

Произведения о новгородском походе Ивана III 1471 г. в контексте взаимодействия литературы и политики

Новгородские походы Ивана III являются важным внутриполитическим событием в отечественной истории второй половины XV в., так как они связаны с процессом собирания русских земель и объединением государства. Вероятно, именно по этой причине поход 1471 г. нашел отражение в широком комплексе произведений конца XV — начала XVI вв., а именно в «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (по Симеоновской, Вологодско-Пермской, Никаноровской летописям, Московскому своду конца XV в., Летописи по Воскресенскому списку, Воронцовскому списку и списку Музейного сборника), повести «О брани на Новгород» (по Софийской II, Типографской летописям), «Словесах избранных...» (по Софийской I, Софийской II, Львовской и списку Дубровского Новгородской IV летописи), «Новгородской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (по Строевскому и Синодальному списку Новгородской IV летописи).

«Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород», повесть «О брани на Новгород» и «Словеса избранных...» отражают московскую точку зрения на события 1471 г. В этих произведениях проводится легитимизация новгородского похода 1471 г. Ивана III. Однако каждый из этих текстов имеет свои особенности.

I. Пафос «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» построен на обвинении новгородцев в преступлении против Ивана III и самого Бога. В начале «Московской повести...» ярко противопоставлены две партии: литовская и московская. Представителей литовской партии характеризуют такие выражения, как «научени дъаволомъ», «горшѣ бесов... прелестници, на погибель землѣ своеи», «развратници», «бога не боящися» [ПСРЛ. Т. 25: 284—285]. Автор «Московской

повести...» называет их также «звѣри дивии» [ПСРЛ. Т. 25: 285], следует обратить внимание, что такая номинация имеет негативные коннотации в традиции. Она может указывать на связь с язычеством (ср. «яко звѣри дивіи» [ПСРЛ. Т. 7: 19] по отношению к половцам (под 6611 г.); «ис пустыня звѣри дивія» [НПЛ 1950: 83] о татарах (под 6767 г.)). Это важно, так как «Московская повесть...» написана «в традициях летописных повестей о борьбе с “неверными”» [Лурье 1989: 201]. Такое сравнение может характеризовать и нечестивых людей, преступников против князя (ср. «яко звѣрье дивіи» [ПСРЛ. Т. 2: 125] об убийцах князя Андрея Боголюбского (под 6683 г.)).

Автор «Московской повести...» осуждает метод борьбы литовской партии — найм «худых мужиков вѣчников» [ПСРЛ. Т. 25: 284], которые на вече кричали, что хотят «за короля», и кидали в сторонников московской партии камни.

Интересно, что в начале данного произведения описывается, как представители московской партии пытаются образумить своих противников, но потом измена литовской партии характеризует всех новгородцев как «неверных» и влечет за собой справедливое (с точки зрения автора повести) возмездие. Это подчеркивается сравнением с битвой Дмитрия Донского с безбожным Мамаем:

...въоружився на противныа, яко же преже и праѣд его благовѣрныи велики князь Дмитрие Иванович на безбожного Мамаеа и на богомерзкое того воинство Татарское, тако же и сеи благовѣрныи и великы князь Иван на сих отступник [ПСРЛ. Т. 25: 287].

Поход 1471 г. оправдывается тем, что новгородцы «аще бо христиане нарицахуса, а дѣла их бяху горѣ невѣрных...» [ПСРЛ. Т. 25: 287].

По версии «Московской повести...», религиозное и политическое преступление новгородцев заключается в том, что они отправили делегацию к литовскому князю и польскому королю Казимиру IV с просьбой быть их господином и назначить

архиепископом сторонника Флорентийской унии Григория. В повести утверждается, что реакцией на это посольство было то, что Казимир прислал к новгородцам князя Михаила Олельковича. Действительность в этом эпизоде существенно искажается. Отметим, что Михаил Олелькович был двоюродным братом великого князя Ивана III Васильевича. К тому же, он являлся православным князем, что никак не согласуется с идеей экспансии католицизма в Новгород. Более того, известно, что «...в 1481 г. Михаил Олелькович был обвинен Казимиром в заговоре против католической “веры святой” в пользу Москвы» [Лурье 1994: 139].

В «Московской повести...» подчеркивается, как нам кажется, весьма спорная с исторической точки зрения законность притязаний на Новгород. В ней неоднократно говорится о том, что великие князья искони владели Новгородом:

За великого князя Московского хотим по старинѣ, как было преже сего. <...> Отчина есте моя, людие Новгородстии, изначала от дѣдѣ и прадѣдѣ наших, от великого князя Володимера, крестившего землю Русскую, от правнука Рюрикава, перваго великого князя в земли вашей. И от того Рюрика даже и до сего дне знали есте одинѣ род тѣхъ великихъ князиеи, преже Киевьскихъ, до великого князя Дмитрея Юрьевича Всеволода Володимерьского. А от того великого князя даже и до мене, род их, мы владѣемъ вами и жалуемъ вас и бороним отвселе, а и казнити волны же есмь, коли на нас не по старинѣ смотрити начнете [ПСРЛ. Т. 25: 284, 285].

Автор «Московской повести...» старательно выдерживает эту установку на преемственность в праве владения Новгородом: Рюрик → киевские князья → владимирские князья → московские князья (в том числе и Иван III). При этом он умалчивает о том, что с момента создания Новгородской республики в 1136 г. новгородцы были вольны приглашать и изгонять князей и обладали другими специфическими правами.

В «Московской повести...» политическая оценка тесно связана с религиозной. Так, победа московских войск подается в «Московской повести...» как осуществленная с помощью божественной помощи: «...гоними гнѣвомъ божиимъ за свою их

неправду и за отступление не токмо от своего государя, но и от самого господа бога» [ПСРЛ. Т. 25: 289] и т. д.

II. В повести «О брани на Новгород» практически не уделено внимания внутривластной борьбе в Новгороде, все новгородцы изначально характеризуются как враги. Новгородцы изображены возгордившимися и заносчивыми: они «хваляхус(я) и гордостью своею величающесе... слова нѣкая хулная г(лаго)лаху» [ПСРЛ. Т. 6: 173]. Подчеркивается их религиозная неправота цитатами из священных текстов. Например, в данной повести говорится: «...г(оспод)ь гордым противится, смиренным же дает бл(а)г(о)д(а)ть» [ПСРЛ. Т. 6: 173]. Эту фразу летописец заимствовал из Послания Иакова (Иак. 4: 6).

На протяжении всей повести новгородцам даются такие характеристики, как «оканнии», «отступници», «измѣнници», «суровии ч(е)л(ове)ци» [ПСРЛ. Т. 6: 170, 176]. Так же, как в великокняжеском летописании, рассказывается, что новгородцы обращаются к Казимиру и намереваются отступить от православной веры. Победа московских войск так же, как и в «Московской повести...», имеет характер божественного чуда: «от такаваг(о) множества людскаго новгородцевъ единъ ч(е)л(о)в(е)къ у наших убиень быс(ть)» [ПСРЛ. Т. 6: 174].

Особенностью повести «О брани на Новгород» является то, что в ней на передний план выходят московские воеводы, а не Иван III (в «Московской повести...» Иван III встречается значительно чаще, а в «Словесах избранных...» вообще является ключевым героем). Примечательна библейская реминисценция на битву Давида с Голиафом. Дело том, что в повести «О брани на Новгород» она инкорпорирована в молитву московских воевод (они молятся, чтобы Бог им помог в битве с новгородцами, как Давиду в борьбе с иноплеменником Голиафом). В «Московской повести...» же эти слова включены в молитву Ивана III. Этот факт демонстрирует различия точек зрения авторов «Московской повести...» и «О брани на Новгород».

В последней из названных повестей московские воеводы охарактеризованы как защитники православия (они молятся,

выступают против отступников от православной веры) и как верные вассалы великого князя Ивана III. Показательно обращение воевод к воинам: «Г(оспод)ие и братиа наши, лутши ес(ть) нам здѣ главы своя покласти за г(о)с(у)д(а)ря своего великаго князя, нежели срамом возвратис(ь)» [ПСРЛ. Т. 6: 173]. Заметим, что здесь показана не только их воинская честь, но и преданность воевод великому князю.

Автор соотносит себя с московскими воинами (называет их «наши»: «...наших жо мало велми...», «...наши ж(е) погнаша...» [ПСРЛ. Т. 6: 172, 174]) и выдвигает московских воевод как основных персонажей, при этом оставляя Ивана III на периферии действия.

III. «Словеса избранна...» (полное название «Словеса избранна от с(вя)тых писании о правдѣ, о смиреном(у)дрии, еж(е) сотвори благочестиа делатель бл(а)говѣрный великии кн(я)зь Иванъ Васильевичъ всея Руси, ему ж(е) похвала о бл(а)гочестии вѣры, даждь и о гордости величавых мужей ноугородски, их же смири г(оспод)ь б(ог)ъ и покори ему под руку его, он же, бл(а)гоч(е)стивыи, смиловася о нихъ г(оспод)а ради и утиши землю ихъ» [ПСРЛ. Т. 6: 177]) также дают политическое и юридическое обоснование похода 1471 г. Однако их особенностью является религиозный характер, усилению которого служат композиция, образный мир и стиль произведения.

Иван III в этом произведении наделяется положительными эпитетами («благовѣрныи», бл(а)гоч(е)стивыи», «бл(а)гоч(е)стиа делатель», «исполнъ всея м(у)дрости» [ПСРЛ. Т. 6: 178, 179, 182] и т. д.).

Великому князю противопоставляются новгородцы, которых характеризуют слова «каменносердѣчнии», «лукавии», «измѣнници», «супостатнии врази», «отступници» [ПСРЛ. Т. 6: 191—200]. Отметим, что слово «супостать» в древнерусской традиции часто связывалось с дьяволом и обозначала врагов иноверных. Употребленное по отношению к новгородцам, оно подчеркивает главное обвинение против них, выдвигаемое автором «Словес избранных...» — «отступление к латыньству». Среди

новгородцев выделяются два ярких образа — Марфы Борецкой и ключника Пимена. Они вполне соответствуют образу традиционного «антигероя», о котором пишет А. А. Пауткин: «...это злодей, нравственное падение столь же глубоко, сколь высоки устремления выразителя идеальных воззрений эпохи» [Пауткин 2002: 164]. Так, в «Словесах избранных...» «злые отступники» Марфа и Пимен противопоставляются «благочестивому» Ивану III. Немаловажно также то, что у преступников Марфы и Пимена «...есть имя и социальное положение...» и что «...их поступки с самого начала понятны читателю...» [Пауткин 2002: 164]. Примечательно также то, что Марфа и Пимен изображаются в «Словесах избранных...» с помощью библейских аллюзий. Так, сравнение Марфы с Иезавелью, Иродиадой, Евдокией подчеркивает ее преступление против веры (по версии «Словес», она хочет весь Новгород сделать католическим), а сравнение с Далидой, возможно, еще и актуализует тему политического предательства (она хочет выйти замуж за литовского пана и править Новгородом, предав Ивана III). Образ Марфы Борецкой построен в традиции образа «злых жен»: «ничто ж(е) есть на земли подобна злои женѣ и язычнѣ, нѣккии же звѣр(ь) точен ес(ть) женѣ пронырлеве и гордѣ, и величавѣ» (ср. в «Измарагде»: «никотѣрѣи бо звѣръ подѣбенѣ женѣ злѣ и злозычне», «ничтоже бо ест злѣ жены злоязычны» [ТСЛ-202: 71, 72]), «нѣс(ть) злобы противу злобе женстеи, лучше бо ес(ть) жити со л(ь)вом и со змиемъ в пустыни, нежели со злою женою» [ПСРЛ. Т. 6: 187—188] (ср.: Сир. 25: 18, Притч. 21: 19; также в «Пчеле» [URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4968> (дата обращения: 13.01.2015)]). Сопоставление Пимена с еретиками Фармосом и Петром Гугнивым, с Исидором и его учеником Григорием (сторонники Флорентийской унии) характеризует его как отступника от веры.

По версии «Словес избранных...», новгородцы хотели принять католицизм и перейти к литовскому королю Казимиру. тексте говорится о том, что после победы москвичи якобы нашли «докончальную грамоту» с Казимиром. Вероятно, это является результатом «литературной» обработки сюжета и не соответствует

ло бы облику христороубивого князя. Заметим, что о сожжении церквей в летописях говорится обычно в связи с нападениями язычников: половцев и татар.

В тексте отражены социальные и политические противоречия в Новгороде. В «Новгородской повести...» противопоставлены образы меньших и больших людей (вторые не хотят помочь в битве первым, аргументируя свой отказ так: «...испотеряхся конемъ и dospѣхомъ» [ПСРЛ. Т. 4: 446]). Автор данного произведения отмечает несогласованность действий простых воинов и воинов архиепископа, который ведет свою непростую политику:

... а коневаа рать не пошла к пѣшеи рати на срокъ в пособіе, зане же владычнь стягъ не хотяхоу оударитися на княжю рать, глаголюще: «владыка намъ не велѣлъ на великого князя руки подынути; послалъ насъ владыка на Псковичь» [ПСРЛ. Т. 4: 446].

Однако автор стремится показать события максимально объективно. Так, раскол на литовскую и московскую партии здесь констатируется без политических и религиозных оценок. Даются только негативные последствия этого раскола для Новгорода («И бысть в Новѣгороди молва велика, и мятежь многъ, и многа лжа неприазнена...» [ПСРЛ. Т. 4: 447]).

Эпизод с обращением новгородцев к Литве отнесен ко времени более позднему, чем вторжение московских войск и соответственно не называется причиной похода 1471 г. (такое изложение событий, судя по всему, ближе к исторической действительности, чем заявления автора «Словес избранных...» о том, что у новгородцев нашли dokonчальную грамоту с Казимиром, подписанную до похода Ивана III).

Несмотря на то, что автор повести осторожен в оценке противостояния Москвы и Новгорода, очевидно его сочувствие Новгороду. Так, отмечается, что новгородского воеводу Василия Васильевича и новгородца Василия Никифировича «...Богъ оублюде» [ПСРЛ. Т. 4: 447]. Ясно, что, если бы автора не радовало спасение новгородских воевод, он бы не говорил о них,

